

Flapjaw – болтун, который не дает отдыха ни своим челюстям, ни ушам слушателей.

Jabbermouth – болтун, «трешотка» (to jabber – говорить быстро и невнятно, бормотать, тараторить).

Jackdaw – болтун (человек, который громко говорит всякую чушь) (jackdaw – галка – птица, которая очень громко кричит).

Windbags – пустомели, пустозвоны

Bagpipe – пустомеля.

Gasbag - болтун, пустозвон (ср. gasbag – газовый баллон).

Wiffler – хвастун, любитель похвастаться.

Slobs – грязнули, неряхи, разгильдяи

Dischlout =Dishrag – «тряпка для мытья посуды», грязный, неопрятный человек.

Исследование данного вопроса представляется интересным, так как характеристика качеств человека часто носит ярко национальный характер.

Литература

1. Горошко, Е.И. К уточнению понятия «компьютерно-опосредованная коммуникация» / Е.И. Горошко // проблемы терминоведения [Электронный ресурс]. - 2009. - Режим доступа:http://ifets/ieee/org/russian/depository/v12_i2/html/11/htm- Дата доступа:20.10.2013.
2. Куликова, Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении [Текст]: монография / Л.В. Куликова - М.: Флинта: Наука, 2009.-112 с.
3. Моргун, Н.Л. Научный сетевой дискурс как тип текста [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук. / Н.Л. Моргун – Тюмень, 2002. – 22 с.
4. Herring S.C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse [Электронный ресурс].-2007.-Режим доступа: <http://www.languageinternet.org>-Дата доступа: 20.10.13.
5. Oxford Dictionaries Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oxforddictionaries.com/> Дата доступа: 20.10.13
6. Киселева М. В. Межкультурный телекоммуникационный дискурс: к проблеме формирования ключевой информационной компетентности // Актуальные проблемы модернизации российского образования: обучение иностранным языкам. СПб., 2004. М. В. Киселева

А.П. Седых (г. Белгород)

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ШОКЕ

Как известно, культура есть совокупность артефактов, на фоне (в присутствии, в рамках активного использования) которых осуществляется взаимодействие её носителей. При этом различные культуры и этносы могут вступать в интеракцию между собой с той или иной степенью «комфортности».

К переменным, от которых зависит благоприятность взаимодействия (контактов) представителей разных культур и этносов, можно отнести следующие позиции:

- **территория**, которая может быть общей или «своей» лишь для одной из групп;

- **продолжительность взаимодействия** (постоянное, долговременное, кратковременное);

- **цель** (совместная деятельность, совместное проживание, учеба, досуг);
- **тип вовлечения в жизнь общества** (от участия до наблюдения);
- **частота и глубина контактов**;
- относительное равенство **статуса и прав**;
- **численное соотношение** (большинство – меньшинство);
- явные дифференциальные признаки (**язык, религия, раса**)

[Стефаненко 1993, 59].

В процессе межкультурного взаимодействия может возникать «культурный шок», иными словами, вхождение в новую культуру сопровождается неприятными чувствами – потерей друзей и статуса, отверженности, удивления и дискомфорта при осознании различий между культурами, а также путаницей в ценностных ориентирах, социальной и личностной идентичности.

Симптомы культурного шока: постоянное беспокойство о качестве окружающих объектов и явлений – пищи, питьевой воды, чистоте посуды, постельного белья, страх перед физическим контактом с другими людьми, общая тревожность, раздражительность, недостаток уверенности в себе, бессонница, чувство изнеможения, злоупотребление алкоголем и наркотиками, психосоматические расстройства, депрессия, попытки самоубийства. Ощущение потери контроля над ситуацией, собственной некомпетентности и неисполнения ожиданий могут выражаться в приступах гнева, агрессивности и враждебности по отношению к представителям страны пребывания, что отнюдь не способствует гармоничным межличностным отношениям.

Как правило, проблема культурного шока рассматривается в контексте так называемой кривой процесса адаптации. В соответствии с этой кривой Г.К. Триандис выделяет пять этапов процесса адаптации «визитеров»:

Первый этап, называемый «медовым месяцем», характеризуется энтузиазмом, приподнятым настроением и большими надеждами.

На **втором этапе** адаптации непривычная окружающая среда начинает оказывать свое негативное воздействие - некомфортными жилищными условиями, психологические факторы: чувства взаимного непонимания с местными жителями и неприятия ими. Все это приводит к разочарованию, замешательству, фрустрации и депрессии. В этот период «чужак» пытается убежать от реальности, общаясь преимущественно с земляками и обмениваясь с ними впечатлениями об «ужасных аборигенах».

На **третьем этапе** симптомы культурного шока могут достигать критической точки, что проявляется в серьезных болезнях и чувстве полной беспомощности. Не сумевшие успешно адаптироваться в новой среде визитеры-неудачники «выходят из нее» – возвращаются домой раньше положенного срока. Однако намного чаще визитеры получают социальную поддержку окружения и преодолевают культурные различия – изучают язык, знакомятся с местной культурой.

На **четвертом этапе** депрессия медленно сменяется оптимизмом, ощущением уверенности и удовлетворения. Человек чувствует себя более приспособленным и интегрированным в жизнь общества.

Пятый этап характеризуется полной (долгосрочной) адаптацией, которая подразумевает относительно стабильные изменения индивида в ответ

на требования среды. В идеале процесс адаптации приводит к взаимному соответствию среды и индивида, и мы можем говорить о его завершении. В случае успешной адаптации ее уровень сопоставим с уровнем адаптации индивида на родине [Триандис 2007].

Культурный шок исчезает по мере знакомства с чужой культурой, постепенным вытеснением (вплоть до забывания) своей культуры, элементы которой сопоставляются с культурой-донором. Новые структуры часто приходят на смену «корневым» инстанциям личности, что может привести к фрустрационным процессам в сознании представителя культуры-реципиента.

В межкультурном общении существует ещё одно явление, о котором известно гораздо меньше. Это явление следует по аналогии с культурным шоком назвать **лингвистическим шоком**. Лингвистический шок можно определить как состояние удивления, смеха или смущения, которое возникает у слушающего при общении с носителем иностранного языка, когда он слышит в иноязычной речи языковые элементы, звучащие на его родном языке странно, смешно или неприлично.

Речь идёт об общем отношении человека, не говорящем на иностранном языке к чужому для него языку. Оценка языка как изящного или грубого происходит независимо от сознания слушающего и является аспектом его общего оценочного отношения к миру, проявляемого в данном случае по отношению к языковым фактам.

Слова, являющиеся для русского благозвучными, приятными для слуха, как правило, не отмечаются в коллективном языковом сознании как отдельные элементы. Чаще как благозвучный, приятный для слуха характеризуется язык в целом (для русских – французский, для французов – русский, для англичан – итальянский).

Благозвучие отдельных слов может быть никак не связано с их семантикой, или даже наоборот, слова неприличные могут звучать для русского (иностранца) благозвучно.

Так, сочетание английских слов *constipation and diarrhea* (что в переводе на русский означает *запор и понос*) звучит на редкость благозвучно.

Неприятными языками для русских могут оказаться арабский, корейский, пушту, в некотором отношении татарский и немецкий.

Смеховой эффект в отношении иностранного языка возникает в тех случаях, когда нейтральное по значению слово одного языка омонимично слову родного языка, обладающему совершенно другим значением.

Для иностранного уха также существуют слова и группы русских слов, которые могут звучать непристойно, неприлично или напоминают слова сниженного или грубого (вульгарного) регистра: рус. *сейчас* [шасс] = фр. *chiasse* = груб. понос / рус. счёт [щёг] = фр. *chiottes* = вульг. отхожее место, сортир *aux chiottes* – долой! на мыло!

Легко представить, что «ощущали» французы, слушая следующий диалог в одном из московских ресторанов:

Клиент: Официант, счёт (*chiottes*), пожалуйста!

Официант: Сейчас (*chiasse*), господа!

К явлению «лингвистического шока» может быть отнесено восприятие представителями одной культуры некоторых слов (словосочетаний),

обозначающих привычные явления для представителей другой культуры. Например, в предельном состоянии опьянения русские видят чертей, а также зеленого змия, тараканов, мышей, т.е. белую горячку в ее разных ипостасях, а французы (англосаксонцы) – розовых слонов.

Для русского языкового сознания розовый цвет связан с нежным возрастом или наивностью и вызывает положительные эмоции, часто, иронию (розовый возраст, смотреть сквозь розовые очки, розовые мечты). Для французов розовый цвет также положителен, свеж и идеален (*voir tout en rose* – видеть все в розовом свете, *elle a un teint de lis et de rose* – она кровь с молоком), но вербализуются французские кошмары в виде «розовых слонов».

Следует, однако, отметить, что само слово «слон» для французов менее позитивно, нежели для русских. Об этом говорят следующие выражения: *Un Éléphant* (слон, говоря о человеке) – очень толстый, с тяжелой походкой, человек: *Un Éléphant dans un magasin de porcelaine* (букв. ‘слон в магазине фарфора’) – «слон в посудной лавке», о неловком человеке, вмешавшемся в тонкое, деликатное дело. Эти высказывания входят и в русский словарь, но они менее репрезентативны и частотны с точки зрения употребления. Русский скорее скажет: «Неуклюжий как медведь» или «Медведь на ухо наступил».

Во французском языке есть выражение: *Avoir une mémoire d'éléphant* (букв. ‘иметь слоновью память’) – иметь исключительно хорошую память, особенно по поводу причиненного зла (вреда); быть злопамятным (слоны считаются мстительными животными). Для русских это выражение экзотично, слон, скорее, слывет толстокожим, нечувствительным («как слону дробина»).

Несуществующие злопамятные розовые млекопитающие менее конкретны, нежели змеи, тараканы или мыши, но для французских алкоголиков первые не менее зловещи, чем последние для русских. При этом словосочетание «розовый слон» у русских, особенно детей, вызывает сугубо положительные, нежные ассоциации. Существует даже магазин для детей, который носит такое название. Вряд ли французские коммерсанты назовут магазин детских принадлежностей «*Éléphant rose*» слишком отрицательным будет коннотативный фон названия для клиентов-соотечественников.

Русские не одиноки в этом смысле, так как у поляков есть выражение «видеть белых мышей» (польск. *biale myszy*), аналогичное по смыслу. В русском языке: «видеть белочку» (от «белочка», просторечное название «белой горячки»), «ловить (гонять) чертей» и пр.

Не может обладать благозвучием для французов название компьютерного супермаркета **PET**: **pet** [pe] 1. 1) *зруб.* пук, громкий выход кшечных газов / *lâcher un pet* – пукнуть, испортить воздух 2) *просл.* шум, скандал / *il va y avoir du pet* – ну и шуму будет 3) *просл.* опасность, шухер / *il n'y a pas de pet* – а) нет никакой опасности; б) нет никакой возможности / *faire le pet* – стоять на шухере 4) *просл.* донос.

Англичанин может быть сбит с толку, видя название этого магазина, так как по-английски: **pet** I [pet] 1. 1) любимое домашнее животное 2) баловень, любимец *teacher's pet* – любимчик учителя Syn: *favourite*, *minion* 3) лапочка, лапушка *Don't worry, pet.* – Не беспокойся, лапочка.

Для иностранцев в русском языке встречаются языковые факты, которые кажутся им смешными или неприличными. Самый известный пример

из этой области связан с названием автомобиля «Жигули», созвучного **gigolo** (по-русски сутенер). Именно это явилось причиной того, что эта машина имеет для европейского рынка второе название – «Lada».

Наиболее неприличными могут считаться совпадения иноязычных слов с русскими названиями половых органов. Так, на суахили: *huyu* = этот; *huyo* = тот самый; русское слово *идиот* звучит по-венгерски *huye* [хюэ]; по-латыни *huyus* означает этот. По-турецки: [хуй] – характер; [бизда] – у нас; [манда] = бык; [хер] = каждый; неприлично звучат слова ливанского гимна: [Я беладии] – Мой край родной (беладь – моя страна; беладии – страны). Корейское алло [ёбосё] и подготовительный факультет [еби как пу] шокируют русских. Португальская фраза *Yo traje traje* (*Я принёс костюм*) может также поразить русского слушателя неожиданным сходством с неприличным глаголом *трахать* [Белянин 1995].

Подводя итог, ответим на вопрос: Для чего следует изучать явление лингвистического шока?:

1. **Усвоение новой лексики.** Неблагозвучные слова не требуют усилий для запоминания. Лексический пейзаж современных языков нельзя представить без сниженной лексики. Понимание кинематографических произведений, например, будет неполноценным, если изучающий не знаком с «шокирующим» потенциалом иностранного языка.

2. **В дискурс-анализе** имеется понятие *meaning of the hearer* (значение слушающего) как значение, которое приписывает речи слушающий. Опираясь на категорию «внутренняя форма слова», появляется возможность изучать фоносемантические характеристики восприятия иностранной речи **в процессе межкультурной коммуникации.**

3. **Языковая игра и макаронический стиль речи.** Учёт элементов лингвистического шока может помочь в исследовании механизмов смеховой культуры у представителей различных лингвокультурных сообществ.

4. **Лексикография и оптимизация межкультурной коммуникации.** Составление словарей языковых единиц, вызывающих лингвистический шок у представителей контактирующих культур. Подобные словари будут бесценны для предпринимателей, которые стремятся к созданию позитивного имиджа своей продукции на международном уровне.

Можно сказать, что лингвистический шок находится на периферии межкультурной коммуникации, но как любое языковое явление, он заслуживает быть предметом пристального изучения и дидактического применения в различных сферах человеческой деятельности.

Литература

1. Белянин В.П. Лингвистический шок [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=52>.
2. Стефаненко Т.Г. Методы подготовки к межкультурному взаимодействию // Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – С.55-78.
3. Триандис Г.К. Культура и социальное поведение: учебное пособие. – М.: Форум, 2007. – 384 с.